

ОЛЬГА ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОРЕШКИ для БЕЛОСНЕЖКИ

Ольга Викторовна Дашкова

Орешки для Белоснежки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66993656

SelfPub; 2021

Аннотация

Из жаркого Лас-Вегаса в холодную Англию? Да легко! Мама выиграла джек-пот – вышла замуж за богатого виконта. Теперь мы живём в старинном поместье, знакомимся с новыми заносчивыми родственниками, едим овсянку. Тоска. Скука. Уныние. Но всё меняется в Новогоднюю ночь: бал-маскарад, я, девушка с аппетитными формами, в костюме скромной Белоснежки. Их было трое. Слишком наглые, напористые и безумно сексуальные. Мои сводные братья. Я буду гореть в аду за свой грех. За этот тройной безумный грех. Но он того стоит.

Содержит нецензурную брань.

Ольга Дашкова

Орешки для Белоснежки

1

– А еще по потолку пустим гирлянду, чтоб она свисала с колонн и светила, словно мерцающие огни. Дорогой, это будет событие года, я уверена, что бал-маскарад еще никто здесь не проводил.

Конечно, не проводил. Моя мать будет первая, кто за четыреста лет, что стоит эта усадьба на юго-западе Англии, устроит в ней бал-маскарад в новогоднюю ночь.

Пригласив всю аристократию, что живет в округе, а на местном кладбище, что за старой часовней, перевернутся покойники.

– Николь? Ты почему не кушаешь? Овсянка великолепная, Генри, у нашего повара золотые руки.

Генри мило улыбается, берет мамину ладонь, нежно гладит, целует, а у меня желудок крутит от этой нежности, и великолепная овсянка готова попроситься обратно.

– Это у тебя золотые руки, любовь моя, а еще очень шаловливый язычок.

– Господи, можно без всего этого хотя бы за столом?

Смотрю в окно, в столовой их целых три, высокие, под самый потолок, за ними идет снег и простирается огромная

равнина, которая тянется до самого леса. Не считая повара, служанки, шофера и садовника, на просторах усадьбы, что занимает двадцать пять акров прилегающих земель, мы здесь одни.

Тоска.

Тоска и скука.

Скука смертная.

Кто сказал, что в Англии весело?

Только тот, кто здесь не был.

Но моей матери здесь нравится. Ей нравится все, особенно цена этой усадьбы и количество нулей, которыми исчисляется состояние ее любимого Генри.

Вообще, не понимаю, как она его захомотала?

Да так, что мужик в свои, скажем так, немолодые годы, да не просто мужик, а Генри Томас. Точнее, нет, не так – Генри Эндрю Рассел Томас, какой-то там виконт, дальше я забыла.

Так вот, перешагнув пятый десяток, этот обладатель поместья потерял голову и мозги от маминых ног и задницы.

– Николь, ты не заболела?

– Не называй меня этим именем. Ты знаешь, я это терпеть не могу.

– Очень красивое имя, не зря я его тебе дала, в нем есть что-то романтическое.

– Дома меня все называли Мэгги.

– Но теперь наш дом здесь, и ты Николь, как записано твое второе имя в свидетельстве о рождении.

Вздыхаю, с влюбленной женщиной спорить бесполезно, а меня на самом деле зовут Мэгги Николь Брукс.

– Так как ты себя чувствуешь, Николь?

– Отлично, – натягиваю на лицо улыбку, отрываясь от унылого зимнего пейзажа. Да, в Лас-Вегасе было гораздо веселее.

Именно в том Лас-Вегасе, что в Америке, в штате Невада. В городе порока и разврата, городе мигающих огней и царстве игровых автоматов и казино в пустыне Мохаве.

– Кушай овсянку, тебе полезно, и не забудь, в десять у нас тренажеры, а в три пополудни – йога. Ты совсем не занимаешься своим здоровьем.

– Хорошо, мама.

– Я просила не называть меня так.

– Я тоже просила.

– Не хочешь кашу, ешь яблоко.

– Не хочу.

Снова смотрю в окно, вожу ложкой в тарелке, размазывая овсянку. Да, у меня есть лишний вес, его совсем немного, но он есть, и мама постоянно мне так тактично на это намекает. Не то чтоб я комплексную, хотя да, это есть, если учесть, что я выросла в определенной среде, где перед глазами мелькали стройные ноги и подтянутые фигуры.

Я дочь стриптизерши, которая с семнадцати лет крутится у шеста и имеет идеальное подтянутое тело, даже после родов. А вот ее дочурка, наверняка пошла в папашку, которого

в глаза не видела все восемнадцать лет своей жизни.

У яркой, тонкой, голубоглазой блондинки родилась девочка с карими глазами и темными волосами. Я иногда вообще думаю, что она меня нашла на улице и, пожалев, забрала себе.

Странно, что она не отнесла меня в приют или не сбежала из клиники после родов, за это ей стоит сказать «спасибо».

Бритни родила меня в восемнадцать, говорит, что не помнит от кого, стриптизерши часто подрабатывают проституцией, это очень опасная профессия. Но думаю, она просто не хочет вспоминать те времена.

А мое детство, да и вообще вся жизнь была не такой, как у обычных детей: гримерки стрип-баров в казино, трейлеры и мамины подружки – вот кто учил меня жизни.

Так вот, именно на работе, в казино «Сфинкс» мамулька и очаровала Генри, через три дня они поженились, а через две недели мы оказались здесь. Не думаю, что вся его именитая родня придет в восторг, но Бритни это уже не волнует, она сорвала куш, да и Генри Томас вполне нормальный дядька.

– Мы здесь надолго?

– Дорогая, мы здесь на всю жизнь, это чистый рай, а Генри – мой бог.

– А ты моя богиня, Бритни.

Генри ерзает на стуле, когда у мамы с плеч спадает край халатика и тонкая бретелька, обнажая плечо.

Второй месяц мы торчим в этом поместье, ладно мать, ей

нравится, но я не обязана хоронить свою жизнь, как старинная мебель в комнатах дома.

Я молодая, полная энергии и жизни девушка, хоть и с лишним весом. Я хочу продолжать обучаться актерскому мастерству. В Лондоне много школ и студий, хочу именно туда, а не прозябать здесь, таращась в окно на снежную равнину, и не выгибаться всем телом на йоге четыре раза в неделю.

– Генри, нужно непременно разослать приглашения всем твоим друзьям, я уже все подготовила. Все обязательно должны прийти в маскарадных костюмах. Я буду королевой бала, Генри – мой король. А кем будешь ты, Николь? Осталось всего две недели, нужно позаботиться наряде.

Не люблю все эти сборища, все будут глазеть, обсуждать, а потом еще несколько дней перемывать кости. Я здесь никого не знаю, интернет, социальные сети – вот мой единственный источник общения с внешним миром.

Жду завершения рождественских каникул, чтоб уехать в Лондон, найти небольшую квартиру, пойти на курсы и жить, как я захочу. Мама, конечно, еще об этом не знает, но я скопила денег и совершеннолетняя, чтоб принимать решения.

– Может, русалочка? Рыжий парик, струящаяся, под чешую ткань платья? Хотя нет, нет, это не твое. Я придумала – принцесса Фиона! – мама захлопала в ладоши, халат окончательно спал с ее плеч, даже мне было видно, как торчат соски, и слышно, как Генри заскрипел зубами.

– Я буду Белоснежкой. Можно я прямо сейчас съем ябло-

ко и лягу спать до первого января?

Но я даже не представляла, что случится в канун Нового года и в самую волшебную Новогоднюю ночь. Как скромный образ Белоснежки разобьется вдребезги, разлетевшись яркими огнями Новогоднего фейерверка.

Подарок всем моим читателям!!! Небольшой, но очень откровенный роман, о том, что иногда наши желания могут и сбыться. Никакого насилия и принуждения, всё очень откровенно и сладко.

Всех люблю!!!

2

– Моя мать ничего не придумала интересней, чем бал-маскарад, ты представляешь? Решила встряхнуть местную знать и толстосумов.

– Ну, так это прекрасно, может, именно там ты найдешь себе парня, принца или супермена. Это же круто, Николь. Наверняка будет круто.

Стефани улыбается, мечтательно закатывает глаза, разговариваем по видеосвязи, это единственное мое окно во внешний мир и способ связи с ровесниками.

– Ну не знаю, хочу уже январь, свалить из этого дома, ты не можешь себе вообразить, какая тут тоска. Все вокруг в снегу, холод ужасный, я практически не выхожу на улицу. А Бритни готова уморить меня голодом и убить спортом, а ты знаешь, я это терпеть ненавижу.

– Да, дорогая, твою аппетитную фигурку надо беречь, таких шикарных титек нет на просторах чопорной Англии.

Люблю шутки Стефани, только она всегда говорила, что моей фигурой надо гордиться и не изводить себя скучными диетами и спортом. Что и на такие прелести размера «плюс сайз» найдется любитель, который залюбит меня до обморока.

– Что там Макс?

Не хотела спрашивать о бывшем парне, но спросила.

– Ну, нормально, что с ним станет?

– Он теперь с тощей Сьюзи?

– Зачем ты смотришь его профиль? Вот для чего ты это делаешь? Чтоб лишний раз пустить слезу или пожалеть саму себя? Или вообще сорваться и вернуться в нашу дыру?

– Конечно, нет, я не собираюсь плакать о нем.

– Тебе выпал шикарный шанс, да твоя мать молодец, что ухватила богача и свалила в Англию.

Стефани повышает голос, она права, этого не стоит делать, но я, как мазохистка вновь и вновь пересматриваю наши фото, которые следует давно удалить. Смотрю профиль Макса в интернете, у него новая подружка, он быстро нашел мне замену.

Я считала его своим парнем, а он просто ждал моего восемнадцатилетия, чтоб трахнуть, а потом сказать, что я не в его вкусе, слишком меня для него много. Оказывается, мой лишний вес мешает жить и строить наши отношения.

Но разве я буду уважать саму себя, если похудею и он примет меня обратно? Нет, так не пойдет, я не такая дура.

– Я удалю все фото.

– Вот и правильно, вот и молодец, моя сладкая булочка. Ты достойна лучшего, а не Макса Шина из вонючего авто-сервиса в самом поганом районе города. Ты встретишь принца! Нет, сразу троих принцев! Я тебе наколдую, ты знала, что в моей семье были ведьмы?

– Тут, скорее всего, все графы, лорды и виконты, принц вряд ли посетит мамин маскарад, – улыбаюсь, представляя сразу несколько принцев.– И всем им далеко за пятьдесят.

– А помнишь, мы смотрели порнушку, что нашли у Розы в ноутбуке, там девушка была сразу с тремя мужчинами. Это, конечно, было нечто. Прикинь, вот и с тобой так?

– Это все постановочное кино для взрослых, в жизни так не бывает, не поверю, чтоб женщина кончала, принимая сразу три члена в себя. Ну, или она великая фокусница.

– Ну не знаю, стонала она вполне правдоподобно.

– Стеф, может, ты прилетишь ко мне, вместе снимем жилье, пойдем работать, учиться?

– Николь, ты же знаешь, не могу, двое младших братьев, мать вечно пьяная. На кого я их брошу? Сразу заберут в приют, а твоя Бритни рассказывала, там жизнь не сахар, а потом еще раскидают по разным семьям.

Да, дела у Стефани были не очень, но она никогда не унывала. Рыжая копна волос, веснушки на носу, за ее ослепи-

тельную улыбку в баре давали хорошие чаевые.

– Все, подружка, мне пора, у нас третий час ночи.

– Целую, милая, пока.

Отключилась, отложила планшет, раскинула на широкой кровати руки. На потолке были нарисованы три пухлых ангелочка, они порхали вокруг розового цветка и улыбались.

– А вот и мои три принца. Привет, ребята.

Встала, напротив кровати справа было огромное зеркало, потянулась, посмотрела на себя, надо бы надеть лифчик или спортивный топ, а то Бритни скоро завершит на весь дом, теряя меня.

Сняла футболку, провела рукой по груди, в мою ладонь она не помещается, полный третий размер. Обвела пальцами соски, потом ущипнула, вниз по животу пошла теплая волна. Сжала их сильнее, оттягивая, даже простонала, когда внутри все сжалось от моментального возбуждения.

Да, у меня был парень, и я не девственница, но это все, чем могу похвастаться. Первый секс случился не так, как мечтала, Макс был слегка груб, просто сунул в меня свой член, быстро задвигался, не принося никакого удовольствия, кроме боли, а после всего и обиды.

Я никогда не кончала с мужчиной, потому что и мужчины толком-то и не было. Но иногда, вот как сейчас, возбуждалась от собственных ласк и прикосновений.

Соски уже стояли острыми пиками, я продолжала их пощипывать, мять грудь, она стала тяжелой, а ареолы сосков

потемнели. Низ живота давило еще сильнее, я чувствовала, как набухают половые губы, как мое лоно наливается влагой, и она уже на трусиках.

Быстро сняла леггинсы вместе с бельем, продолжая смотреть на себя в зеркало. На бледной коже появился румянец, волосы выбились из пучка, рассыпаясь по плечам.

Да, я далеко не худышка и не стройняшка, есть небольшой животик, широкие бедра, но ноги прямые, а талия отчетливо выделяется.

Села на кровать, широко разведя колени, моя киска уже плакала соком возбуждения, так теперь бывает часто, стоит только подумать о сексе, молодому организму не хватало его.

Поставила одну ногу на кровать, раскрывая себя еще больше, провела по гладко выбритым половым губам пальчиками, задела горошинку клитора. Простонала, вновь подразнила его, выгнув спину.

– Господи, как же сладко... а-а-а-а... о-о-о-о... да... да-а-а-а-а-а...

Прикрыв глаза, уже всю мастурбировала, представляя ту сцену из порнофильма, где один мужчина вылизывал девушке промежность, второй целовал грудь, а третьему она сама сосала крупную головку члена.

Мяла грудь, натирала клитор, ставший крупной вишенкой, моя киска текла еще больше, вставила в нее сразу два пальчика, задвигала ими. Сделав несколько движений, снова начала дразнить клитор, щипая соски.

Волна оргазма накатывала изнутри, стенки влагалища сжались, из груди вырвался громкий крик. В моих фантазиях я кончала вместе с той женщиной, которую ублажали трое мужчин.

– Боже мой... боже мой... а-а-а-а-а... не могу... а-а-а-а-а-а...

Упала на спину, преодолевая свой оргазм уже невесомыми ласками возбужденной плоти. Клитор пульсировал под пальцами, а мое тело потряхивало от пережитого удовольствия.

– Николь!!!! Николь, ты у себя??

– Господи, только не это!

Хорошо, что я заперла дверь, и мама не ввалится сейчас в мою комнату.

– Да, я здесь.

– Выходи, нас ждут пять километров на велотренажере.

– Мама, я не могу, у меня критические дни.

Тишина, Бритни явно недовольна.

– Вечно у тебя все не вовремя.

Лежа снова смотрю на трех пухлых ангелочков, такое чувство, что они улыбаются еще больше, а один даже подмигивает. Мама ушла, я слишком была возбуждена, чтоб сейчас крутить педали. Хочу принять горячую ванну.

Нет, хочу в то порно, к трем мужчинам.

Тогда я и представить не могла, что желания имеют свойство сбываться. И надо быть с ними осторожней.

Рождество – самый прекрасный и светлый праздник из всех, что я знаю.

Рождество в Лас-Вегасе – это праздник во время праздника, когда огней становится в два раза больше. На рекламках казино Санта-Клаус несет мешки с подарками, а вокруг шестов стриптизерши крутятся в карасиных колпаках.

Рождество в Англии – дело совсем другое.

Бритни, конечно, размахнулась: в середине огромного холла живая ель, такие я видела только по телевизору и в местных лесах. Гирлянды опутывают ель словно паутиной, идут по потолку, свисают с колонн, их огни перетекают на стену.

Рождественские венки, свечи, а над камином портрет мамы с Генри. Я открыла рот и минуты три не могла его закрыть. И когда это его успели написать?

Белокурые локоны Бритни красиво лежат на плечах, в глазах томность и блеск, но спасибо хоть платье закрывает практически все тело, не считая глубокого декольте. Генри Эндрю Рассел Томас смотрит строго, как и полагается аристократу, сидит в кресле, держа мамину руку в своей.

– Красиво, правда? Две недели позировали, не представляешь, как это трудно, чистая каторга.

– Охреть конечно, но грудь можно было так не показывать.

– Мне трудно так сразу загонять себя в рамки.

Верю, всю жизнь крутятся у шеста полуголой, так сразу сложно носить платье двенадцать часов в сутки.

Бритни делает глоток шампанского, накручивает на палец прядь волос, внимательно рассматривая портрет. Если кто видит нас впервые, никогда не верят, что мы мать и дочь, считают что мы вообще родственники. Парадокс, но Бритни это льстит, а я терплю ее опеку, мечтая вырваться после Нового года на свободу.

– Скоро придут гости, повар приготовил восхитительную индейку, иди наверх и приведи себя в порядок. Надеть то платье, что вчера привез курьер, тебе безумно пойдет изумрудный цвет.

– Я в нем как огромная жаба.

Бритни сморщила свой хорошенький носик, вновь отпила шампанского.

– И прекрати выражаться при гостях, они все титулованные и именитые особы, мне Генри говорил, но я практически не запомнила. Держи себя в руках, но ты ведь умная девочка.

– И много будет гостей?

– Сегодня человек пятнадцать.

Ненавижу эти «показательные выступления», все начнут плясать, а от местной публики неизвестно что ожидать. Когда в школе на меня обращали слишком пристальное внимание и задирали, обзывая толстухой, мне хотелось их всех поубивать.

– Будет троюродная сестра Генри с мужем, племянница покойной жены, потом его престарелый дядюшка, двоюродный брат по линии покойной мачехи, еще племянники, сводная сестра. Я так волнуюсь, ты не представляешь.

Ах да, совсем забыла, Генри у нас вдовец.

Покойная жена не могла родить, и он всю жизнь опекал троих своих племянников. Похвальная забота, но думаю, что именно они и не обрадовались такому стремительному браку родственника. Ведь если мать родит наследника, то все это богатство достанется ему.

Господи, вот она – жизнь, полная интриг и заговоров, все как в старые времена, о которых я читала в романах.

– Мама, только давай без эмоций в адрес меня на публике, ты знаешь, как я не люблю это.

– Когда такое было? – Бритни вскидывает идеально оформленную бровь, моргает идеальными длинными ресницами, делает удивленный взгляд.

– Вот именно об этом я говорю.

– Ах, это гости, быстро сними эти ужасные бесформенные шорты и выходи в столовую.

Раздался громкий звон, словно били в колокол, мама побежала в ту сторону, я вздохнула, снова посмотрела на мигающую всеми цветами радуги елку.

Мне не избежать этого обеда.

Изумрудное платье, правда, подошло идеально, хорошо подчеркивало талию и грудь. Уложила волосы на один бок,

закрепив их заколкой в форме бабочки, немного блеска на губы, румян на слишком белую кожу, каплю любимых духов, каблуки.

Когда зашла в столовую, которая была по совместительству и гостиной, немного оробела от количества направленных на меня взглядов.

Черт!

– А вот и моя прекрасная Николь! Деточка, присаживайся, рада представить всем мою дочь.

Готова была придушить собственную мать. Быстро села на отведенное место, ладони вспотели от волнения. Не знаю, отчего так разволновалась? Я ведь хочу стать актрисой, поднимаю глаза, улыбаюсь.

– Всем доброго вечера и хорошего Рождества!

– Да, прекрасный тост! Давайте выпьем и приступим к ужину. Я так волновалась, так переживала, но вы все такие чудесные люди.

– Дорогая, не волнуйся, все просто отлично, – Генри сжал руку Бритни.

Но по лицам собравшихся было заметно, что не все рады такому повороту событий и новой жене Генри. Какой-то полный мужчина в синем пиджаке крикнул в кулак, дама, сидящая с ним, что-то прошептала своей соседке. Но никто не высказывал свое мнение, а три места, что были как раз напротив меня, пустовали.

Приглашенные официанты принесли первое блюдо, вновь

разлили игристого вина.

– Генри, а где Тони, Чарли и Райли? Где твои любимые племянники? Неужели не уважат дядюшку и не появятся на семейном ужине? – Пожилая дама в бордовом с блестками платье обратилась к Генри.

– А вы слышали, что они устроили месяц назад? Эта несносная троица вновь напилась и чуть не сожгла паб. А в августе чуть ли не в центре Лондона организовали вечеринку в купальниках. Всех пришлось разгонять конной полиции.

– Да, они совсем отбились от рук, нет, они талантливые мальчишки по отдельности, но когда встречаются, это практически конец света и репутации нашей семьи.

– Маргарет, о какой репутации вы говорите, ее давно уже нет.

О, какие веселые ребята.

Дальше разговор пошел о политике, погоде, повышении цен на все, о неблагодарности подрастающего поколения. Публика раскачалась, или это подействовал выпитый алкоголь.

Начали хвалить повара и приготовленную индейку, Бритни сияла, как звезда на макушке Рождественской ели. А троих нарушителей спокойствия в семье Генри Томаса так и не было.

А я бы, с удовольствием с ними познакомилась.

– Привет.

В холле играет музыка, мама собрала лучшую подборку Рождественских композиций. Повару удался глинтвейн, пью уже четвертый бокал, ну, я совершеннолетняя, мне можно, в отличие от стоящего передо мной молодого человека.

С меня ростом, щуплый, бледная кожа, рыжие волосы, яркий шейный платок и цвета бутылочного стекла бархатный пиджак. Да, это недоразумение сидело за столом. Интересно, а кем он приходится Генри?

– Я Вильям.

– М-м-м-м.

– А ты Николь? Дочь его новой жены?

– А ты догадливый.

Оборачиваюсь назад, отрываясь от созерцания вечернего зимнего пейзажа за панорамным окном.

– У меня ученая степень Гарварда.

Господь, избавь меня от снобов, пожалуйста, очень тебя прошу.

– Я готова описаться от радости, но не сейчас.

– А ты горячая штучка.

– Вильям, исчезни.

– Зря ты так.

– Ты хоть совершеннолетний, Вильям, обладатель ученой степени Гарварда? Тебе мама разрешила пить спиртное?

В руках парня бокал виски, он делает глоток, томно смот-

рит на меня. Забавный такой. Дома было много разных знакомых парней, в школе тоже, но вот такого типа я еще не встречала.

– Мне двадцать пять.

– Я решила, пятнадцать.

– Это генетика, я молодо выгляжу.

– Повезло.

– Вот та дама в бордовой шляпе – моя бабуля.

– Она прикольная, Маргарет вроде. Она рассказывала про твоих братьев. Тебя не взяли в банду? Ростом не вышел?

Мне направится его подкалывать, Вильям вновь невозможно отпил виски, посмотрел на меня.

– Мне неровня эти шуты, делают все напоказ, чтоб привлечь к себе внимание, как трехлетние дети. То устроят пьянку, гонки, то попадут в полицейский участок, и все им так легко сходит с рук.

В голосе чувствовались нотки раздражения и отчетливая ненависть к родственникам.

– Выходит, они забавные и веселые парни.

– Веселее некуда. Расскажи лучше о себе, или пойдем, потанцуем.

– О нет, нет, только не танцы.

– Ты такая аппетитная булочка, у меня даже слюни потекли, как увидел тебя. Титьки натуральные?

Вильям приблизился, вжался в мое бедро своим пахом, потерял эрекцией, я даже остолбенела от такой наглости.

– Эй ты, чертов извращенец, давай полегче, а то уйдешь домой без бубенчиков.

Оттолкнула парня в сторону, он ничуть не обиделся, улыбнулся тонкими губами, снова отпил виски.

– Ты тоже танцевала в Вегасе стриптиз, как и твоя мамашка? Я бы хотел на это посмотреть.

– Не твое дело.

– Дядя Генри всегда был падок на такое.

– Закрой свой рот.

– Тут хоть закрывай, хоть нет, но все вокруг это знают и думают так же, как и я. Чем и как она женила на себе нашего богатого дядю.

– Хочешь, я угадаю твоё прозвище с детства? Мерзкий, нет, противный Вильям.

Вильям повел подбородком, кадык дернулся на шее.

– Что, угадала, да? Как забавно, значит, не зря такое прозвище, что даже мне хочется тебя так назвать, противный Вильям. А, и еще: если я хоть слово услышу из твоего поганого рта в сторону моей матери, я твою ученую степень Гарварда запихаю в твой зад. У нас в Вегасе с такими сладким мальчиками, как ты, которые много говорят, много получают.

Толкнула его плечом, подняв голову, вышла из столовой, прошла через холл мимо ярких огней елки. На душе была обида за то, что вот так, каждая тварь может говорить гадости, совершенно ничего не зная о нашей жизни.

У Бритни невеселая история, мне она ее не рассказывала, я знаю лишь то, что в пятнадцать лет она сбежала из дома после домогательств родного отца, Вегас принял ее не сразу, и много что произошло, но танцует она действительно классно, пусть и стриптиз.

А если вот так каждая английская шавка будет говорить о ней гадости, я буду бить в лицо, я умею. Охранник бара «Дикий Мул» Билли Торнтон, в котором мама работала три года в мой не самый прекрасный переходный возраст, любил Бритни, а еще учил меня всяким приемчикам, говорил, что в этой гребаной жизни может пригодиться все.

Билли был прав. Я бы врезала этому противному Вильяму прямо там, но не хочу расстраивать маму. Мне еще придется ее расстроить и рассказать о своих планах на жизнь, но не в этом прекрасном доме.

Зайдя в свою комнату, взяла телефон, открыла социальную сеть. Надо уже отписаться от Макса, а то мои самые первые новости – это он и его тощая плоскогрудая подружка Сьюзи.

Не понимаю, почему по нему все еще страдаю? Ведь он полное ничтожество, просто трахнул меня, лишил девственности. Я с тем же успехом, но с большим удовольствием могла сделать это сама. Как там говорила мамина подруга Вивьен: «Мужик, который не смог удовлетворить женщину, хуже импотента».

А Вивьен знала в мужиках толк.

Телефон дрогнул в руке, принимая входящий звонок.

Макс.

Странно, что ему надо?

Смотрю на знакомые цифры несколько секунд.

– Алло.

– Ники, привет. Как Англия, королеву видела?

– Ты хочешь поговорить о королеве?

– Я чего звоню, тут такие дела, ну, мы вроде как не чужие люди, Ники, крошка, не займешь сто баксов?

– Макс, ты пьяный или обкуренный? Какие мы не чужие люди? Займи сто баксов у своей новой подружки.

– О, Ники, чувствую ревность в голосе, но это не стоит делать. Ты для меня останешься самой лучшей, но ты уехала, бросив меня.

– Я бросила тебя? Это, оказывается, было так? Ну ты и кусок дерьма, Макс Шин.

Даже не стала слушать его дальше, отключилась. И как у людей язык поворачивается такое говорить и после всего просить денег? Быстро нахожу его профиль, блокирую, а потом удаляю.

К черту прошлую жизнь. У меня впереди новая, Лондон, съемная квартирка, актерские курсы, работа, новые знакомства.

И я верю, что новая любовь.

А вдруг Стефани и правда наколдует мне принца?

Нет. Трех принцев.

Неделя до Нового года пролетела в суете.

У Бритни возникали все новые идеи: то пригласить популярного диджея, то заказать аппарат, что делает мыльные пузыри, а еще фокусников, которые будут развлекать гостей.

Он пузырярей и фокусника удалось отговорить.

Я просматривала сайты театральных студий, планировала, в какую из них пойти в первую очередь, а также подыскивала жилье, что будет максимально близко к ней и не очень дорогое.

Но поговорить с мамой так и не решилась. Пусть уже пройдет этот бал-маскарад, она расслабится, может, улетит с Генри позагорать на солнышке и отпустит меня.

– Ты не находишь, что это слишком символично? Выходит, что я злая королева, а ты Белоснежка, от которой я хочу избавиться. Почти сказка, – мама мечтательно рассуждает. – Но это ведь не так, моя дорогая, я тебя обожаю. Но милая, надо бы похудеть, ты снова набрала – я вижу это, и весов не надо.

– Мама, не начинай.

– Николь, прекрати жрать по ночам.

– У меня стресс, и мне скучно в этой дыре.

– Это не дыра, это Англия, это колыбель истории, стиля и благородства.

– Что-то наши новые родственники не так уж и благород-

ны, трое даже не явились на Рождественский ужин.

– Мальчики будут сегодня, Генри обещал. У них там возникли очередные трудности, но все разрешилось. О боги, они прекрасны.

Мама посмотрела на наши костюмы, что только что были доставлены. У Бритни так блестели глаза, что менять она ничего не собиралась, я тоже. Роль Белоснежки вполне меня устраивала.

Хоть бы никто не нарядился в гнома.

– Да, да, пирамида из бокалов шампанского сбоку. Куда вы тащите стол? Остановитесь! И не побейте бутылки! Маркус! Где Маркус? Это невыносимо! Почему мне все приходится делать самой? Маркус, черт тебя подери!

А вот сейчас Бритни точно злая королева-мать, а Маркусу, нашему организатору вечеринки, сейчас достанется. Хорошо, что мать переключилась с меня и моего лишнего веса на него.

Взяла наряд, ушла к себе в комнату. Тридцать первое декабря, полдень, в Лас-Вегасе ранее утро, звонить Стефани еще не время. Достала из коробки платье, повесила на плечики. Широкая желтая юбка в пол, синий облегающий верх, сзади корсетная шнуровка, голубые рукава фонарики, красная накидка и черная бархатная маска.

Все очень даже симпатично.

Нужно еще принять душ, высушить и уложить волосы, на это полно времени. Посмотрела на себя в зеркало – и неправ-

да, что я поправилась, не так уж и много я журу по ночам.

Есть такой грех, но это все нервы и тоска. А еще гормоны и моя легкая возбудимость, хочется влюбиться и уже выкинуть из головы Макса. Он скотина конченная, а его подружка, оказывается, беременна, так сказала Стеф.

Распахнула халат, грудь красиво обтягивает и придерживает кружевной лифчик, талия, ну, да, небольшой животик, но я считаю, что он женственный, округлые бедра, красивые ноги. Чем не аппетитная булочка? Вот это сексуально, а не торчащие кости и плоская грудь.

Телефон издал сигнал оповещения, посмотрела на экран, поморщилась. Противный Вильям каким-то образом узнал мой номер и написывает уже неделю. А еще шлет фото, где он бывает и что делает.

«Привет, пышка».

«Иди к черту».

«Я сегодня буду твоим принцем на балу. В каком ты будешь костюме? Нет, не говори, я угадаю, как увижу. Твои шикарные титьки я узнаю сразу».

«Отвали, придурок».

И почему ко мне липнут вот такие ничтожества? Почему нет нормального парня, с которым можно и поговорить, и заняться сексом, и сходить в кино? Чем я хуже других? Обидно.

Но я верю, что у меня все еще впереди, мне всего восемнадцать. Англия, Лондон, собственная квартирка, деньги уже

накоплены на первое время. Свобода, вот что меня волнует больше всего, и она у меня будет.

Время до вечера пошло быстрее, помогла Маркусу настроить светомузыку, он оказался прикольным парнем, хоть и геем. Сказал, что это будет вечеринка года, а моя мать – горячая штучка.

– Маркус, а ты знаешь трех братьев, племянников Генри?

– О да, их знают все. Ты не разве не смотрела их инстаграм? Райли, самый старший из троицы, он сын покойной сестры мистера Томаса от первого брака, красавчик, девушки на него вешаются гроздьями. Я бы замутил с ним, но жаль, он стопроцентный гетеросексуал.

Чарли – это сын двоюродного брата твоего отчима, тот трагически погиб в автокатастрофе, жуткая трагедия была. Вот он настоящая заноза в заднице всего семейства, временами агрессивный и неуправляемый, играет в рок-группе.

А вот младший – это милашка Тони, сын младшей сестры Генри, постоянно попадает в передряги, но ему все сходит с рук. Все не дождутся, когда Чарли и Тони отправят в армию.

– Если честно, я не видела их инстаграм, но то, что ты рассказал, очень любопытно. И как таких парней терпит семья?

– С трудом, поверь мне. А у тебя есть парень? На такую фигурку должен найтись ненасытный мужчина, чтоб брать тебя с утра до вечера.

– Нет, парня нет.

– Он обязательно будет, ты чистое сокровище, такая глад-

кая и белая кожа, как у аристократов, а волосы просто экстаз, ты не красишь их?

Маркус внимательно рассматривает меня своими большими миндалевидными глазами, трогает волосы.

– Нет, еще не приходилось.

– И не делай этого, ты бесподобна, моя зефирка. Точно, я буду звать тебя зефиркой. Наверняка ты сладенькая во всех местах.

Мы вместе смеемся, Маркус интересный, ему, наверное, лет тридцать, худощавый афроамериканец, на нем яркая рубашка малинового цвета, зеленые брюки-клеш, это костюм в стиле диско.

– А твой парень сегодня здесь будет? Пригласил его?

– Ой, у нас все сложно, кажется, Стэнли мне изменяет.

– Не может этого быть. Ты уверен?

– Вот чувствую сердцем, – Маркус театрально прижимает руки к груди, но тут же меняется в лице и кричит на работников. – Все несем аккуратно, не заденьте елку, я вам всем головы оторву. Ставьте на ступеньки, да, вот так, хорошо.

Конфетти-машину установили в углу, заиграла музыка, диджей махнул рукой, луч прожектора осветил дискотечный шар, и сотни огоньков побежали по помещению.

– Ух ты, как красиво!

– О да! Будет крутая вечеринка! Давай, зефирка, беги надевай костюм, скоро здесь будет много гостей.

Маркус старался перекричать музыку, я улыбалась при-

танцующая. Да, пусть эта вечеринка будет самой крутой, надо оторваться и стоит попробовать уже прямо сейчас вон то дорогое шампанское.

6

– Детка, ты великолепна. Боги, что за формы, твои девочки так и просятся на свободу.

Маркус показывает на мое декольте, немного смущаюсь, но я в черной бархатной маске, с бокалом шампанского, мне весело, а вечеринка набирает обороты.

Гости все приезжают и приезжают, мама с Генри встречают их, все в маскарадных костюмах, яркие, нарядные. Диджей запускает модные треки, обвела зал взглядом.

Хорошо, что Белоснежка я сегодня пока одна, зато две женщины-кошки, четыре ангела и всего один из них с белым крыльями. Несколько медсестер – явно в нарядах из секс-шопа – и, конечно, несколько принцесс.

Из мужчин: Дракула, супермен и спайдермен, Зорро, полицейский, ковбой.

Ковбой? Нет, только не он.

Противного Вильяма можно было узнать даже в костюме, на его худых плечах рубашка и жилетка висели просто тряпками. А еще ковбойские сапоги и кобура с револьвером. Сдерживала себя, чтоб не засмеяться в голос.

– Я узнал тебя сразу, красотка. Твои сочные пышные булочки так и манят меня.

– Вильям, перестань.

– Я сегодня шериф, и ты будешь арестована и наказана за такую вызывающую красоту и сексуальность, – он тянет руки, я пытаюсь увернуться.

– Убери руки, блин, Вильям, ты маньяк. Меня не возбуждают ковбои и Дикий Запад, я этого дерьма насмотрелась.

Маркуса позвали, кто-то разбил бокал, помощи просить не у кого, да и сама могу врезать своему новому родственнику, если он еще хоть раз протянет свои ручонки, чтоб облапать меня.

– Ну чего ты такая недотрога? Я же вижу как хочешь, а мой револьвер уже заряжен, специально для тебя копил сперму, чтоб ее было много.

– Я сейчас тебе нос разобью.

Даже передернуло от отвращения, фу, мерзость какая. Нет, я не ханжа, и когда нечто подобное говорил мой бывший, некоторые его пошлые шуточки даже возбуждали. Но только не этот человек.

– Мне даже нравится, что ты такая недотрога. Скажи, Николь, может, ты еще девственница? Я согласен быть первым, забрать себе твою невинность.

– Вильям, иди в жопу.

– В твою сладкую попку – с удовольствием.

Ну все, вывел меня. Выплескиваю содержимое бокала в лицо этому напыщенному индюку, но вместо пощечины, подняв резко колено, метко попадаю в пах.

– А-а-а-а-а... сука гребаная, больно же.

– Если ты еще хоть раз подойдешь ко мне, ковбой, и начнешь высказывать фантазии, твой револьвер познакомится с твоей девственной попкой.

Не люблю, когда меня оскорбляют и унижают, якобы флиртуя, это обидно, точно я притягиваю одних придурков. Развернулась, подхватив длинный подол платья, быстро пошла в сторону лестницы, на глаза навернулись слезы.

Только настроение испортил, скотина.

– Эй, эй, сказочная принцесса, ты ведь не Золушка и туфельку не потеряешь?

Налетаю на мужчину, поправив съехавшую с лица маску, делаю шаг назад, но меня все равно держат за талию, это волнует. Высокий широкоплечий парень в костюме мушкетера.

Черная шляпа с пером, на лице маска, красивая улыбка, белоснежные зубы, голубая накидка, темные брюки и высокие сапоги. А главное – это шпага, что висела сбоку. Настоящий мушкетер, что сказать, здесь сегодня не одно сердце разобьется об эту соблазнительную улыбку.

– Мушкетер? Кто же конкретно из них?

– Угадай.

– Точно не Портос, тот любил пожрать и выпить, своей тучной и жирной фигурой был посмешищем для своих и для врагов. И не Портос. На рыцаря печального образа – Атоса – тоже не тянешь, слишком наглый взгляд, а тот отличался своей скромностью.

– А ты забавная, Белоснежка. Интересно, что там еще с двумя мушкетерами?

– Но не обольщайся, ты не д'Артаньян, он был благороден, любил одну девушку. Ради нее, своих чувств и преданности стране совершал поступки.

– Значит, на благородного я не тяну?

Под сиянием этих насмешливых глаз и улыбки сердце забилось чаще, взгляд обжигал кожу, мое дыхание участилось. Ему надо было надевать не костюм мушкетера, а змея-искусителя или дьявола.

– Арамис – самый хитрый, в отличие от Портоса, который любил пожрать, а любимым занятием Арамиса были постельные приключения с многочисленными дамами.

– Bravo, Белоснежка, и откуда ты все так хорошо знаешь?

– Читала роман.

Он совсем близко, прижимает меня к перилам, высокий, опасный, чувствую его дыхание на щеке, а еще аромат парфюма. Вот о чем я думала о таком мужчине, рядом с которым подкашивались бы ноги, и я бы теряла силу воли.

Но именно в тот момент, когда я начала уже плавиться горячим шоколадом под его похотливым, а он был именно таким, взглядом, его позвала какая-то девица.

– Милый, ну ты куда пропал?

Та самая медсестра в костюме из секс-шопа, что-то наподобие халатика, через который можно было разглядеть все ее выпирающие ребра. Белые чулки, высокие каблуки, яр-

ко-красные губы и чепчик с крестом на пышной прическе.

Господи, как все банально. А я-то, дура, размечталась.

– О, Белоснежка, прикольно. Но у нее вроде не было таких габаритов. А это у тебя свои титьки или импланты?

Медсестра схватилась пухлыми губами за соломинку, начала посасывать коктейль, девушка была без маски. Да и зачем проститутке скрывать лицо?

– А у тебя мозги свои или импланты?

Девушка заморгала длинными ресницами, Мушкетер засмеялся во весь голос, а мне была уже неинтересна их компания. Передумала идти наверх, в конце концов, Новый год через несколько часов, надо напиться – и плевать на всех симпатичных мушкетеров.

Быстро пошла в сторону бара, на ходу взяв у официанта с подноса бокал с шампанским, опрокинула его в себя, но нужно было, что покрепче.

– Я угощаю, двойной виски для Белоснежки.

Рядом стоял клоун. Но не тот, что веселит детишек, а страшный: белая маска с ужасной до дрожи улыбкой и рыжий парик.

– О, даже так? Глядя на тебя, выпить нужно точно. Ты жуткий, знаешь об этом?

– Конечно, знаю, я здесь как раз именно для того, чтоб похищать таких сладких и аппетитных девочек и делать с ними грязные делишки.

Голос был хриловатым, сквозь маску виднелись черные

глаза. Сделала, не глядя, несколько глотков виски, поморщилась. А когда он положил свою руку на мою ладонь, вздрогнула, резко посмотрела на нее.

На пальцах и кисти были татуировки: буквы складывались в слово ПОРОК и череп в капюшоне с черными пустыми глазницами.

По спине пробежал холодок, а виски разлился теплом в груди.

Нет, мне не было страшно, только любопытно, какой порок преобладает в душе Клоуна?

7

Выпила двумя глотками виски, снова посмотрела на Клоуна. Чувствую, как он улыбается под маской и слегка сжимает мои пальцы. От этого мороз бежит по спине, а в груди адское пламя.

Хорошие девочки всегда любят плохих мальчиков, а он плохой, очень плохой. И лучше бы ему не снимать маску, потому что не знаю, что тогда со мной будет.

– Пойдем, – тянет за руку, кричит в ухо, потому что музыка стала громче, градус вечеринки повышается, алкоголь льется рекой.

Гости танцуют, девушки откровенно двигают телами, а у меня из груди сердце готово вырваться наружу, и хочется танцевать со всеми. Но Клоун тянет меня в сторону, мимо

елки и ее мигающих огней к лестнице, там есть дверь, за ней комната.

Но остановившись, снимает свою страшную маску с париком, не успеваю разглядеть лица, тянет за шею, накрывая мои губы своими.

Целует, практически пожирая мой рот, до боли засасывая губы. Вкус виски, я словно пью опять без закуски большими глотками, дыхания не хватает, цепляюсь за костюм парня.

Меня никто так не целовал.

Никогда.

Никто. Никогда. Так. Не целовал.

А когда его язык начинает ласкать мой, начинаю стонать в голос, чувствуя металлический предмет. Пирсинг, у него пирсинг в языке.

Господи, это безумие.

Но я тогда еще не знала, что это всего лишь прелюдия к безумию.

Грудь наливается возбуждением, соски твердеют, а моя киска выдает порцию влаги в белье, так что я сжимаю бедра. Клоун отрывается от меня, но перед глазами все плывет, губы покалывает иголками.

– Ты везде такая сладенькая, да, Белоснежка?

Снимает с меня маску, улыбается, такой наглый, уверенный, волосы собраны в хвост на затылке, коротко стриженные виски, легкая щетина.

Вот именно из-за таких парней девчонки пишут стихи, об-

ливая страницы блокнота слезами, а потом режут вены, заливая все кровью.

– Я как увидел тебя, у меня даже встал. Скажи, что ты не девственница? Ненавижу этих скромниц, столько мороки.

– Я... я... нет...

– Это прекрасно, – ведет подушечкой большого пальца по моим губам, смотрит в глаза.

Совсем мозг отшибло, и слова сказать не могу, только смотрю в его темные глаза, а сама облизываю губы и его палец, хочу еще его поцелуя. Полумрак, здесь музыка не такая громкая, Клоун снова тянет за руку, толкая дверь за своей спиной, а в это время меня кто-то обнимает за плечи сзади.

Вижу только перчатку с ножами, вздрагиваю.

– А кто тут у нас такая сладкая булочка? Чарли, ты где нашел такое сокровище братишка?

– Белоснежка сама меня нашла.

– А где ее гномы?

– Сегодня мы за них, да, девочка?

Загорается тусклая лампочка, в этом помещении хранят мебель, Бритни именно сюда велела отнести старые стулья и два кресла. И откуда они вообще знают про эту комнату?

Вот теперь я оборачиваюсь, от удивления открываю рот.

Серьезно?

Фредди Крюгер?

Более позитивного наряда этот парень не нашел?

– Белоснежка, покажи нам, какая ты развратная девоч-

ка, – тот, кого Фредди назвал Чарли, очень близко, ведет костяшками пальцев по щеке, а сзади второй наглец расшнуровывает корсет.

– Кто вы такие? Нет, прекрати, не надо, – сопротивляюсь, но это выглядит так жалко, а Чарли, прижав к себе, проводит прохладным языком по шее.

Верх платья падает, моя грудь теперь ничем не прикрыта.

– Ох ты, черт! Святые небеса, твои девочки прекрасны, я буду вылизывать их, а потом похороню свой член между ними и буду кончать, заливая спермой.

Не успеваю опомниться, как он действительно припадает к груди, мнет ее, покусывая сосок. Второй парень сзади целует слегка покусывая шею, убрав в сторону волосы.

Это было невероятно.

Грудь налилась под натиском губ Чарли, соски набухли еще больше, все тело охватил жар. Кожа вспыхнула, а внизу живота начинало закипать желание.

Руки шарили по телу, задирая подол платья. Меня ласкали сразу двое мужчин, мое изголодавшееся тело и реагировало моментально, а с губ срывался стон.

– Такая нежная Белоснежка, Тони, что мы делаем с такими сладкими девочками?

Фредди Крюгер, он же, как оказалось, Тони, прикусил кожу на плече, потерял пахом с каменной эрекцией о мою поясницу.

– Мы трахаем их до обморока, до множественных мокрых

оргазмов. Какая гладкая кожа и упругая попка! Хочу поставить тебя раком и войти по самые яйца. Ставлю сто фунтов, что твоя киска уже плачет от желания принять в себя мой член.

– Не буду спорить, братишка, охренеть, я готов спустить в этот долбаный костюм только от того, что мну и облизываю ее грудь. Такая нежная и страстная Белоснежка, раздвинь шире ножки, да, вот так. Твою же мать, нет, я спорить не буду, ее трусики уже насквозь мокрые.

Касание промежности, кусаю губы, они оба начинают ласкать меня там, Тони сзади, Чарли спереди, не отодвигая белья, задрав до пояса подол платья. Еле стою на ногах, а они натирают клитор и половые губы, заставляя меня дать им еще больше моего сока.

Черт! Черт! Черт!

Меня потряхивает от возбуждения, я не кончала много дней, не ласкала себя. А сейчас двое парней своими прикосновениями и пошлыми словечками доведут меня до оргазма за несколько секунд.

Мне бы надо остановить все это, бежать от них, но все происходит так быстро, они ломают любое мое сопротивление, любую попытку убрать руки или отстраниться от поцелуев.

– А-а-а-а-а... м-м-м-м... нет... нет... прекратите... а-а-а-а-а...боже мой...боже мой....

– Да, Белоснежка, нужно кричать «да», такая мокрая де-

вочка, Тони, сними с нее все лишнее. Да, вот так лучше.

– Такая гладкая киска, я уже хочу вылизать ее. Трахнуть языком все твои сладкие узкие дырочки.

Последняя моя защита спускается к ногам, их пальцы растирают влагу по половым губам, клитору, тугим мышцам ануса. Ее так много, что мне немного стыдно, но я веду бедрами, чтобы увеличить трение.

– Такая голодная киска и такая узкая. Да, девочка, давай, кричи, кричи громче для нас.

Чарли до резкой боли выкручивает сосок, от яркого контраста эмоций по телу проносится дрожь, я кричу, как они просят, кончая, давая им еще больше своих соков. Рассыпаясь на осколки сознанием.

– Ну что, Белоснежка, ты готова поиграть? Смотри, как они хотят тебя.

Часто дышу, хорошо, что за дверью играет музыка, и никто не слышал моих стонов. Чарли берет мою руку, опускает к своему паху, накрывая свой каменный стояк.

– Давай на колени, малышка, иначе я залью все вокруг спермой, а хочу залить свой сладкий ротик.

Крюгер давит на плечи, заставляя встать на колени. И вот перед моими глазами уже два члена, две крупные блестящие от смазки головки, под одной из которой блестит еще и пирсинг.

Это вообще реально – то, что сейчас со мной происходит? Я точно не смотрю порно-ролик? Я все это делаю сама и добровольно?

Поднимаю голову – нет, точно, их двое.

Тот, что Чарли – наглый Клоун – смотрит пристально, сжимая яйца, в глазах чистый грех и порок. Теперь понимаю, для чего у него тату на пальцах: чтоб предупреждать таких глупых девочек, как я, сразу.

– Ну давай, сладкая, покажи моему братишке, какой у тебя такой же сладкий ротик, – Чарли надрачивает свой стояк, а я смотрю на второго парня.

Он моложе, но такой же комплекции, широкоплечий; рваный свитер, шляпа, на одной руке все еще перчатка с бутфорскими лезвиями. Да, он Фредди Крюгер, тот самый, что приходит во сне и убивает подростков.

А сегодня он пришел забрать у меня нечто другое.

– Да, Белоснежка, не заставляй нас, маньяков, делать тебе больно. Мы это совсем не любим.

Тони слишком смазливый для маньяка, улыбается, на щеках играют ямочки. От него, наверное, писают кипятком все девчонки колледжа. Ему бы быть принцем на белом коне, или быть ангелочком, но он бунтарь. С чего я все это взяла за считанные секунды, не знаю.

Он бросает перчатку на пол, спускает джинсы, также поглаживает свой стояк, а я у меня сжимается все внутри от нового прилива возбуждения. Моя изголодавшаяся плоть,

словно и не испытала сейчас оргазм, ей нужно еще.

– Давай открой ротик, детка, и отсоси нам хорошенько.

Он не приказывает, не давит, он лишь толкает меня на это своим наглыми глазами и грязными словечками. В голове шум, в крови алкоголь, но я не пьяная, это другое.

– Давай, Белоснежка, смотри, как они хотят тебя, и не прикрывай свои шикарные сиськи, хочу их видеть и залить спермой.

Сглатываю слюну, у меня совсем нет опыта в оральных ласках, Макс постоянно заставлял меня это сделать, но я сопротивлялась, говорила, что не готова.

А вот сейчас, кажется, готова как никогда.

Беру оба члена в руки, натираю их, размазывая по набухшим головкам смазку, что они выделили. Тянусь, облизываю языком, вкус солоноватый, но не противный, а потом начинаю посасывать по очереди каждый член.

Я сейчас не невинная трогательная Белоснежка из сказки, а порочная, грязная девчонка из своих пошлых фантазий.

– М-м-м-м-м... девочка, да, возьми глубже... еще, малышка... какой сладкий ротик... такая горячая... да девочка.

– Да, вот так, поиграй, сожми мои яйца, не так сильно, малышка, да... Чарли, ты прав, у нее чертовски сладкий ротик и такой нежный, готов не вынимать свой член из него сутки.

Они оба толкаются мне навстречу, пока я, войдя в азарт, как можно глубже беру член Тони в рот, массирую Чарли, потирая пальцем возле штанги пирсинга под головкой, где

такая тонкая и гладкая кожа.

Я возбуждаюсь, делая минет сразу двум мужчинам, чувствую, как теку снова, хочу опустить руку под юбку и потрогать себя. Соски затвердели, грудь отяжелела еще больше.

А потом меняю члены и уже заглатываю Чарли, у него немного крупнее, и мне труднее. Пирсинг скользит по языку, а наяриваю два члена без малейшего намека на стыд.

– Не забудь про яйца, ух, малышка, да, да, твою же мать... м-м-м-м... как же вкусно ты это делаешь.

– Тони, заткнись, иначе я сейчас солью.

– Смотри, смотри, как она хочет, чтоб ей сейчас вставили, смотри, как ерзает, надо было позвать Райли, он был бы нам потом благодарен за такую сказочную малышку.

Райли?

Что еще за Райли?

Третий?

Но я не успеваю даже подумать, как Чарли хватается меня за голову и начинает вбиваться в мой рот, проникая до самого горла. Дышать сразу становится нечем, из глаз брызжут слезы, а слюна стекает по подбородку.

Он напрягается, начинает кончать, чуть ослабив хватку. Теплая сперма, ее слишком много, глотаю.

– Да, возьми все, все до капли, да... еще... а-а-а-а... дьявол, твой ротик – это чистый рай.

– Вот это да, да, малышка, сучка, какая горячая девочка.

Меня колотит – и не от страха, а от возбуждения. Я хочу

их, хочу ощутить член внутри себя. Сперма на губах, языке, а я продолжаю сосать, собирая все до последней капли. Не думала, что минет, так возбуждает.

– Сейчас, сейчас, девочка. Тони сделает тебя приятно. Иди сюда, садись сверху.

Я в полной прострации, облизываю губы, смотрю на парней, Тони поднимает меня на ноги и тянет на себя, сам усаживаясь в кресло, на которое накинута чехол от пыли. Несколько секунд, в его руке появляется презерватив, рвет фольгу, раскатывает по возбужденной плоти.

На моем языке вкус спермы Чарли, за дверью в разгаре новогодняя вечеринка, где-то там мама и ее новый муж. А я, задрав платье, сажусь сверху, скольжу мокрой плотью по твердому члену, стараясь не стонать громко.

– Садись, дай мне свою девочку, пусть она примет меня по самые яйца. Дай ей кончить еще, она такая голодная.

Тони на самом деле стоит замолчать, он так и делает, но лишь потому, что лижет мои соски, сминая грудь. Медленно опускаюсь на его член, чувствую, как он растягивает меня и заполняет жаждущее его лоно, это так потрясающе.

Осев как можно ниже медленно раскачиваюсь, поднимаясь и опускаясь. Оставляя свои соки на всей его длине, растягивая свою киску под его большой член.

Мышцы влагалища сжимаются, я делаю круговые движения, натирая клитор о его пах, Тони сжимает ягодицы, толкается в меня сам, запрокинув голову, кричу. После несколь-

ких толчков он снова захватывает губами один из моих сосков, тянет на себя, от этого проникновение глубже.

По спине бежит пот, я горю, двигаюсь сильнее, насаживая себя на член Тони, платье мешает, его хочется снять, но важнее сейчас другое, я так близка к своему оргазму.

– Давай, Белоснежка, дай мне свой оргазм. Дай мне больше своего сока, смочи яйца, да малышка...да...вот так. Ненавижу резину, но ты ведь чистая девочка, я чувствую, потом накачаю твою киску спермой.

– А-а-а-а-а... да-а-а-а-а... да... – хватаю Тони за шею, шляпа летит на пол, сжимаюсь, кончаю на его члене, отпуская все напряжение, которое меня сковывало долгое время.

Я растворяюсь в наслаждении, продолжаю двигаться вверх и вниз, продлевая свой невероятный оргазм. Тони сжимает мои бедра, прижимает к себе, до основания толкаясь и наполняя меня. Его член дергается, а сперма заполняет пульсирующее лоно.

– Дьявол... девочка, да... сука... сжимаешь меня до боли. Выдои меня всего...да-а-а-а-а.

Тони кончал, я открыла глаза, прямо напротив нас на диване сидел Чарли, не надев брюки, он надрачивал свой стояк. Пальцы с татуировкой ПОРОК скользили по твердой плоти.

– Парни, вы здесь? Я уже задолбался вас искать. Какого хрена, что за сообщения, мол, приходи под лестницу? Что вы здесь делаете? Решили, как в детстве спрятаться от всех?

Обернулась: прикрыв за собой дверь, на нашу троицу

удивленно смотрел Мушкетер.

– Вот ни хрена себе! Белоснежка? А я думал, ты совсем не такая.

Что он тут делает?

И что значит его «не такая»?

– Братишка, эта девочка истый секс.

Братишка? Я уже второй раз слышу это слово.

Они братья?

Я точно буду гореть в аду.

Уважаемые читатели в группе автора в Инстаграм проходит Розыгрыш электронных подарочных сертификатов ЛитРес + ПРОМО на мои романы Итого будет 3 победителя: 1 место приз сертификат ЛитРес на 1000р+ промо на роман. 2 место сертификат ЛитРес на 500р+ промо на роман. 3 место 2 ПРОМО на любые романы.

Спасите принять участие, ссылка на Инстаграм в разделе Об авторе

9

Трясущимися руками прикрываю грудь, но с моим размером это сделать не так легко. Господи, какой позор. Я кожей чувствую наглый взгляд этого проклятого мушкетера, хорошо хоть еще голый задницей не сверкаю.

– Малышка, ты куда собралась?

Быстро встаю с колен Тони, отталкивая его руки, парень

пытается меня остановить. Сам улыбается, ему весело, а вот мне не очень. Нет, нет, это уже слишком.

– Белоснежка, останься, мы еще не закончили.

– Чарли, дьявол, чем вы вообще тут занимаетесь? Вы меня позвали, чтоб потрахать эту девочку, так у меня там есть своя.

Скотина какая, а не благородный мушкетер.

– Да отпусти ты меня!

– Эй, эй, детка, мы еще не закончили. Чарли еще не побывал в твоей горячей киске.

Наконец прикрыв грудь лифом, кое-как завязываю шнуровку, подобрал с пола маску, хочу выйти, но мне не дают.

– Дай пройти.

С вызовом смотрю на мушкетера, сдувая волосы с лица. Меня больше не пытаются остановить, а мне стыдно посмотреть за спину. Хочу уйти, позорно сбежать, подумать, прийти в себя после случившегося спонтанного секса сразу с двумя парнями.

– А то что?

– А то получишь по яйцам, и тощей медсестричке сегодня ничего не перепадет.

– А ты не только умная, но и дерзкая.

– А еще у меня тяжелая рука.

За дверью все еще грохочет музыка, диджей кричит, что до Нового года осталось всего два часа. А я хочу выпить, что покрепче и оказаться в своей комнате.

Тони, паршивец, смеется.

– Останься сладкая.

– Пропусти девочку, пусть идет, – Чарли говорит тихо, но его все слышат.

Мне наконец дают пройти.

– Парни, а вы видели дочку новой жены Генри? Говорит, там такая пышка.

Все-таки мушкетеру надо было врезать, я слышу эту фразу, перед тем как закрываю дверь. Надеваю на лицо маску, не хочу, чтоб меня видели взволнованной, пробираюсь сквозь скопление танцующих людей в карнавальных костюмах.

И откуда мама только взяла столько народу?

– Николь, ты куда это побежала? Скоро полночь, фейерверк.

Натыкаюсь на Бритни, мамулька по-королевски шикарна. Нет, она императрица бала, этого поместья и жизни Генри Томаса.

– Голова болит, хочу выпить лекарство, – вру, оглядываясь по сторонам, Вильям кого-то ищет в толпе, надеюсь, что не меня. – Я поднимусь к себе и сразу вернусь.

– Точно все в порядке?

– Мама, прекрати, мне восемнадцать, я не маленькая девочка.

– Хорошо, но сразу возвращайся, Генри хотел познакомиться нас с любимыми племянниками.

– Обязательно.

Ну уж нет, с меня на сегодня хватит знакомств.

Поднимаюсь наверх, закрыв за собой дверь в своей комнате, несколько минут просто стою, облокотившись об нее, часто дышу, перед глазами картина моего грехопадения.

Нет, я не ханжа и вполне нормально отношусь к сексу до брака. Я не девственница, готова для новых отношений и знакомств, даже случайные связи меня не коробят.

НО.

Но чтоб трахаться сразу с двумя – это слишком.

Они ласкали меня, доводя пальцами до оргазма, а потом я сосала их члены. Сразу ДВА члена.

А может, это все моя неопытность? Я как наивная жду любви, а нужно начать с секса.

Так, надо успокоиться и сделать вид, что ничего не было.

Не включая свет, прошла в ванну, мои трусики остались как трофей Клоуну и Крюгеру. Между ног очень влажно, корсет кое-как завязан, грудь вываливается, искусанные губы, на щеках румянец, а на шее смачный засос.

Да уж, ну и дала ты, Белоснежка, и совсем не принцу, а наглым гномам.

Привела себя в порядок, надела трусики, Стефани не поверит, если я ей расскажу, да я и сама не верю тому, что произошло.

До какой степени нужно быть голодной до мужского внимания, чтоб дать в доме отчима на новогодней вечеринке двум парням?

Боже мой! Нет, нет, только не это!

Тони назвал мушкетера братишкой, а потом тот спросил, видели ли они дочь новой жены дяди.

Они племянники Генри.

Те самые, что заноза в заднице всего семейства.

Маркус рассказывал, я совсем забыла.

Младший наглец – Тони, неуправляемый бунтарь с татуировками – Чарли, и бабник мушкетер – Райли.

Вот и познакомились.

Снова застыла, глядя на себя в зеркало. Тело все еще помнило прикосновения мужчин, живот тянуло томительной болью, грудь все еще была налита, а соски торчали.

Нет, я не хочу, чтоб нас официально знакомили. Я не хочу видеть их насмешливые, довольные и сытые взгляды. Как вообще это будет выглядеть?

Мол, Николь, это мои горячо любимые племянники. А они такие «да мы знаем эту малышку, мы только что имели ее хором под лестницей в чулане».

Позор.

Лучше бы они были совсем посторонними, левыми парнями.

– Булочка моя сладкая, ты где? Мой револьвер давно заряжен и готов к бою.

Вильям?

Этому придурку что еще надо, тем более в моей комнате?

– Я тебя не звала, зачем пришел?

– Мириться. Я был неправ. К такому нежному цветочку, как ты, нужен особый подход.

Выйдя из ванной, включила торшер, Вильям в костюме ковбоя медленно подходил ко мне, слегка шатаясь.

– Ты пьян?

– Совсем немного, детка, но это никак не мешает нашим интимным делам.

– Иди проспись, у меня с тобой никогда не будет никаких интимных дел.

– Нет, я не могу. Все эти дни я мечтал о такой вкусной малышке.

Вильям смотрит странно, глаза практически стеклянные, кривая улыбка, он начинает медленно расстегивать широкий ремень, а потом ширинку брюк.

Серьезно?

У них тут такая нехватка девушек, что все родственники Генри решили поиметь меня?

– Даже не думай. И не подходи ко мне.

Все происходящее перестает быть смешным, Вильям реально решил меня изнасиловать. Я загнана уже в угол, единственный путь отступления – через кровать. Но как только я залезаю на нее, он оказывается рядом, дергая за локоть, бросая меня на матрас.

Я думала, что справлюсь с ним, но это оказалось не так просто. Даже самый тощий мужик, если пьяный имеет огромную силу.

– Маленькая похотливая сука. Что, не нравлюсь я тебе? А кто, кто тебе нравится? Эти ублюдки – мои братья? Ты их хочешь, да? Их все бабы хотят, этих выскочек.

– Отпусти, отпусти, придурок! Не трогай меня!

– Нет, ты будешь моя, сейчас моя.

Отбиваюсь как могу, но мужчина сильнее, он задирает подол платья, больно щипает бедра, рвет белье. Я не кричу, а хриплю, потому что все происходящее кажется нереальным.

Царапаю его, давлю на глаза, за что Вильям, замахнувшись, бьет ладонью по лицу. Боль обжигает щеку, я толкаю Вильяма в грудь, испытываю только отвращение, потому что он лапает меня своими мерзкими руками.

– Прекрати, скотина, прекрати! Я все расскажу Генри, отпусти!

– А вот я Генри ничего рассказывать не стану, я просто отрежу тебе твой отросток, мерзкий Вильям.

Становится легче, сверху уже не давит и никто не трогает, а мне хочется плакать. Слышу удары, стон, мат. Приподнявшись на локтях, смотрю на то, как мушкетер бьет ковбоя.

Нет, не о таком спасителе я мечтала, но рада и ему.

10

– Вали, и чтоб я тебя не видел.

Снова грохот, стоны Вильяма. Не то чтобы я рада своему спасителю, но сейчас я вообще не понимаю, как так этот хилjak мог со мной справиться?

– Испугалась?

Мушкетер, он же Райли – старший из троих племянников Генри Томаса, смотрит на меня, в глазах немного волнения, но все равно на лице пакостная наглая улыбка.

– Нет.

– Даже так?

– Это у нас с Вильямом такие сексуальные игры. Я сначала трахаюсь с другими, он узнает и ревнует, его это возбуждает. Я ведь именно такая, как ты подумал.

Все еще лежу на кровати, но одернула юбку, стараюсь выглядеть расслабленной и не показать волнение. Я не дам этому напыщенному индюку даже думать, что он такой великий спаситель.

Господи, я сегодня самая глупая и дурная девушка на свете.

Естественно, он подумал, что я именно такая, то есть распущенная и развратная давалка, как выражается Стеф. Именно это подумал бы любой человек, увидев меня сидящей сверху на члене одного парня, когда при этом второй наяривал себе стояк.

Да к черту его.

Пусть думает что хочет.

– Спасибо, – встаю, поправляю платье, придется вновь надевать новые трусики, я с этой семейкой так разорюсь на хорошее белье.

– И это все?

– А что ты еще хотел? И да, я Николь, та самая пышка, дочь новой жены вашего дядюшки.

– Я догадался.

– Молодец, а теперь можешь идти, тебя наверняка заждались.

– В Америке все девчонки такие наглые и дерзкие?

– А в Англии все такие самоуверенные и напыщенные?

Мы стоим в трех шагах друг от друга, теперь я понимаю Маркуса, который хотел бы замутить с этим парнем. Райли и правда красавчик, но не смазливый и молодой, как Тони, а уже мужественный молодой мужчина.

Темные волосы, густые черные ресницы, красивый разрез глаз. Синие? Точно, они у него синие. Прямой нос, волевой подбородок, недельная щетина.

Да, Арамис из него стопроцентный, так и слышу, как разбиваются девичьи сердца, а их осколки скрипят под подошвой его дорогих туфель.

– Нет, только я такой.

– Заметно.

Не получается себя контролировать рядом с ним. Дыхание сбивается, нервно облизываю губы, а Райли теперь смотрит на то, как высоко вздымается моя грудь, и медленно подходит ближе.

– Что тебе еще заметно, дерзкая Белоснежка из Америки?

– Что тебе пора уходить.

– Ты меня гонишь?

– Да.

– А разве спасителю не полагается награда?

Райли совсем близко, а я прижата спиной к двери ванной, он поднимает руку, проводит костяшками пальцев по щеке, вниз по шее, груди. По коже бегут мурашки, а мои легкие заполняет его аромат. Неужели я на самом деле такая падкая на мужчин нимфоманка?

– Ты на самом деле похожа на Белоснежку из сказки, белая кожа, темные волосы, яркие губы, пышная и такая манящая грудь.

– Странная у тебя сказка.

– Да, немного эротическая.

Его касания такие нежные, едва уловимые, пальцы продолжают скользить по коже. Я неосознанно лгну к нему, словно хочу быть под защитой этого сильного мужчины.

Мои губы приоткрываются, а я закрываю глаза. Теплое дыхание, он ласкает меня, а затем наши губы соприкасаются.

Вот именно так он и соблазняет девушек: томным голосом, пристальным взглядом, прикосновением, губами. Из груди вырывается стон, хочу большего, приоткрываю губы.

Райли слегка сжимает мою грудь, безошибочно находя затвердевший и такой чувствительный сосок, нежно выкручивая его, заставляет мою киску сжаться. Это было подобно невыносимой пытке, Райли нежно сосет мои губы, лаская их языком, прижимая меня к двери. А я таю в его руках.

Шнуровка корсета ослабевает, совсем немного – и грудь

вывалится наружу. Еще несколько минут – меня разденет старший из братьев и поимеет на моей кровати.

– Стой, стой, подожди.

– Чего ждать, малышка? Покажи мне своих девочек, я поласкаю их языком. Черт, какие они у тебя сладенькие.

– Нет, нет, перестань.

Я сопротивляюсь, но так неубедительно. Сама льну к нему, голова идет кругом, губы Райли покрывают поцелуями шею, язык скользит вниз, и вот он уже мнет обе обнаженные груди, сосет и облизывает поочередно соски.

– Такая нежная девочка и все еще голодная.

Цепляюсь за его одежду, не в силах оттолкнуть, а наоборот, притягиваю к себе, подставляя грудь для поцелуев.

Я падшая, аморальная, развратная девица. Головой понимаю, что порядочные девушки так себя не ведут, но тело просит ласки, требует разрядки. А руки этого наглого мушкетера уже задирают подол платья, а на мне – порванные Вильямом трусики.

– Давай все это снимем, нам ведь не нужна сейчас одежда?

И как я так быстро сдалась?

Всем троим братьям.

Что в них такого загадочного?

Во рту пересохло, в груди полыхает пожар, а я сейчас сама начну срывать с себя одежду под натиском этого бабника.

– Нет, нет... подожди... Райли... нет.

– Твое «нет» звучит как «да».

– Нет, постой, Райли. Нет, я сказала.

Пытаюсь оттолкнуть его от себя, но упираюсь лишь в литые мышцы.

– Тихо, тихо, малышка, тихо. Я не сделаю тебе больно, тебе будет только хорошо, обещаю.

– Но...

Его тихий голос и тон подкупают, это сопротивляется мой разум, понимая, что я поступаю неправильно. Но кому вообще нужны мои правильные поступки? Мне восемнадцать, самый прекрасный возраст делать необдуманные вещи, о которых первое время можно сожалеть, а всю остальную жизнь – вспоминать.

Пол взглядом синих глаз Райли, которые я вижу даже в полумраке комнаты, мое сопротивление рушится. Да и пусть он после меня побежит к той медсестричке, зато эту новогоднюю ночь я буду с самым красивым парнем вечеринки.

А как Новый год встретишь, так он и пройдет.

Сама снимаю с себя платье, путаясь в завязках и подоле, пальцы немного трясутся, голова идет кругом. Теперь я практически голая, лишь в одних черных чулках и туфлях. И я ничуть не стесняюсь своей фигуры, потому что вижу во взгляде Райли похоть и страсть.

– Никогда не думал, что толстушки такие сексуальные. Моим членом можно колоть орехи.

Голубая накидка летит на пол, за ней рубашка, брюки. Я сжимаю бедра плотнее, потому что возбуждаюсь еще больше

от вида накачанных мышц и странных татуировок на теле моего хоть не кровного, но родственника.

– Такая аппетитная девочка, покажи мне всю себя, покажи свою киску.

Райли сжимает в кулаке свой стояк, у него еще больше, чем у Тони и Чарли, совсем нет растительности, все гладко выбрито, бордовая головка уже блестит от смазки.

Он красивый, чертовски красивый, как и его братья.

Вот Райли уже рядом, от его тела идет жар, он ласкает грудь, живот, опуская руку между моих бедер.

– Для кого так чисто бреет киску Белоснежка? – шепчет на ухо, прикусывая мочку, расстегивая другой рукой заколку в волосах, распуская их. И тут же больно сжимает их в кулаке, запрокинув мою голову.

– Ты решила, что я хороший? Нет, малышка, я очень плохой мальчик и сейчас буду трахать тебя до слез, пока ты не сорвешь голос от крика.

Страшно?

Нет.

Прикусываю губу, делаю как можно более трогательный и невинный взгляд. Никогда не играла в такие игры. Он, что, сейчас отшлепает меня?

Райли улыбается, еще крепче до боли сжимая волосы, а потом целует.

Жестко впиваясь губами в мой рот, насилуя его языком, при этом заставляя развести ноги шире. Раздвинув пальца-

ми половые губы, скользит по уже влажной от возбуждения плоти.

Сегодня действует скидка 25% на романы: "Глубокое наслаждение" и "Покорность в подарок"

11

Я чувствую лишь ноющую боль внизу живота и ту влагу, что дает моя киска. Она текла на пальцы Райли, а я краснела от стыда. Он прижал меня свое грудью, мои соски набухли еще больше, тело охватил жар.

– До чего мокрая девочка, ты ведь чувствуешь, как течешь в мою ладонь.

Вскрикиваю, когда пальцы Райли проникают в меня, сразу глубоко, оседаю на них, хватая ртом воздух, но кажется, что я разучилась дышать. Он целует, снова с силой засасывая губы и проникая в рот языком. Трахая меня теперь им и пальцами одновременно.

Если он так продолжит еще хоть минуту, я кончу стоя, с его пальцами в своей изнывающей от желания киски. И когда я стала такой озабоченной?

– А-а-а-а-а... а-а-а-а... да-а-а...

– Нет, нет, не сейчас, моя сладкая булочка.

Говорит в губы, слегка прикусывая их, вынув пальцы, продолжая натирать мой воспаленный и увеличившийся от возбуждения клитор.

– Встань на колени, да, вот так, возьми его в свой нежный

ротик.

Резко оторвав меня от себя и опустив на колени, Райли, сжимая свой каменный стояк, направляет член мне его в лицо. Хватаюсь, жадно вбирая почти полностью в рот, облизывая, посасывая, слыша стоны мужчины.

Я точно сошла с ума, но мне нравится это.

Нравится, как крупная головка скользит по языку до самой гортани, как подрагивают мышцы на плоском животе красавчика Райли, то, какой он на вкус и запах.

Сжимаю гладкие яички, вдоль ствола лаская языком, облизываю их, а потом снова, широко открыв рот, заглатываю его член. Делаю все как в порно фильмах, которые я смотрела, удовлетворяя саму себя.

Снова облизываю гладкую кожу на яичках, размазывая при этом выступившую смазку на грибовидной головке.

– Стой, стой, малышка, я так быстро солью тебе в ротик. Встань на колени. Вот же дьявол, какая шикарная задница. Тебя кто-нибудь имел в эту узкую попку?

Меня поднимают, ноги еле держат, снимаю туфли, рывком опускают на кровать, заставляя прогнуться в спине. Грудь колышется, соски раздражает покрывало, а Райли растирает по максимально раскрытой перед ним промежности мои выделения, задевая сфинктер, массируя его.

Это невероятно приятно, сдерживаю стоны, сминая пальцами ткань, по телу бегут легкие разряды тока. Я не думала, что моя попка настолько чувствительная, иногда я, лаская

сама себя, задевала и ее, но такого не испытывала никогда.

Вскрикиваю от шлепка по ягодицам, все внутри сжимается, дергаюсь вперед, но меня удерживают за талию. Снова шлепок, мой крик, еще, еще, кожа горит, словно меня ошпарили кипятком, а потом нежные поглаживания успокаивают.

Так повторяется несколько раз, и я готова кончить, потому что мышцы влагалища сжимаются, хочу потрогать себя, поласкать, но как только я предпринимаю эту попытку, Райли больно дергает за волосы.

– Теперь мне, моя маленькая развратная Белоснежка, решать, когда и сколько раз ты кончишь.

Сильными руками Райли удерживает меня за бедра, большими пальцами разводит ягодицы, чувствуя, как прохладный воздух проходит по моей попе.

Снова ласкает там, уже с нажимом, я рефлекторно вздрагиваю и сжимаюсь. Он что, собирается прямо сейчас трахнуть меня туда? Мне именно этого не хватало до полного комплекта в Новогоднюю ночь.

Слышу его смех.

– Не сейчас, малышка. Но это все равно случится.

По телу бежит холодок, я так и представила, как он пронзает меня своим огромным членом сзади. Интересно, это будет так же хорошо, как делают в порно, и женщины получают невероятный анальный оргазм? Или все это лишь фантазии и миф?

Райли пристроился сзади, я прикусила губу, чувствуя, как

теплая головка его члена скользит по анусу, половым губам, раздвигая их, натирая клитор. А затем мне показалось, что я оглохла от собственного крика.

Он вошел в меня так глубоко, как только можно, сразу нанося мощные удары, ускоряя взятый сумасшедшей темп. Шлепки наших тел, характерные звуки в моей мокрой киске наполняли комнату, а я старалась кричать в матрас, принимая все новые и новые толчки.

Он доводил меня до предела возбуждения и останавливался за секунду до моего оргазма. Мял ягодицы, шлепал, поглаживал, стимулировал анус, а когда в меня проник палец, я начала кончать, сотрясаясь всем телом.

– Не могу больше...не могу...а-а-а...не...а-а-а-а.....да-а-а-а....я.....кончаю. Боже мой...кончаю.

Не контролируя себя, хотела соскочить с члена, но Райли удерживал, не выходя из меня. А я продолжаю кончать так ярко и остро, как никогда.

Вот рука прошла по влажной спине, словно успокаивая, кто-то поднял меня за плечи, погладил лицо, убирая с него волосы.

Тони? Что? Что он тут делает? Или это мои галлюцинации?

– Как... как ты здесь... что?

– Я же говорил, что она безумно голодная и сексуальная девочка. Возьми меня в ротик, смотри, как он хочет.

Возбужденный член Тони находился в нескольких санти-

метрах от моего лица. Подняв голову, смотрю на него, то, как этот паршивец раздевается, сбрасывая с себя всю одежду.

Покорно открыв рот, я впускаю его внутрь. Чьи-то губы скользили по спине, а руки сжимали грудь.

Я не могла повернуться и посмотреть, но это точно был не Райли, его член продолжал медленно и неглубоко сношать меня.

– Тебе нравится, да? Тебе очень нравится, мы это видим.

Чарли. Это его хриплый голос, мурашки снова побежали по телу. Сейчас я с тремя мужчинами. Господи, этого не может быть.

Но это было реальностью. Пугающей, но такой откровенно-возбуждающей реальностью.

– Сука, она чертовски узкая, словно девственница, ее малышка доит мой член, – Райли говорит сзади.

Я не могла ничего ответить, член Тони скользил внутри моего рта.

– Представь, малышка, что ты можешь принять нас всех. Как мы одновременно заполним все свои сладкие узкие дырочки. Наполняя тебя спермой.

Тони снова говорит пошлости, но они возбуждают.

Я хотела возразить, но Райли задвигался быстро, заставляя меня глухо закричать. Но вот толчки прекратились, член выскользнул из моей киски, на кровати движение, а через несколько секунд меня уже трахает Чарли, а во рту вкус моих выделений и каменный стояк Райли.

Тони опять говорит пошлости, парни переговариваются, но я лишь слышу обрывки фраз. В попе легкое раздражение, меня растягивают пальцами, проникая внутрь, небольшой дискомфорт, но Тони ласкает клитор, отвлекая, подводя к новому оргазму.

– Не могу больше, до чего нежный ротик, сейчас кончу. Она во всех местах такая нежная и горячая. Дьявол...м-м-м...сука...прими моей спермы...прими девочка.

Головка члена Райли разбухает еще больше, я задыхаюсь, челюсти онемели, первая порция спермы орошает горло, глотаю. Чарли вколачивается сзади, Тони массирует клитор, мнет грудь, я сама начинаю снова кончать, принимая в себя сперму сразу двух парней.

Заваливаюсь на бок, не в силах больше стоять на коленях, бьюсь в своем невероятном оргазме. На губах вкус семени, из моего пульсирующего влагалища толчками вытекает сперма Чарли.

Не знаю сколько прошло время, но вот мои колени широко разводятся, заставляя лечь на спину. Чувствую, как целуют грудь, нежно покусывая соски, а между ног втирают сперму в клитор и половые губы.

– Ты готова, булочка? Готова к тому, что мы трахнем тебя втроем?

– Конечно она, готова. Посмотри, как дрожит, а ее киска просит еще.

– Белоснежка, Тони будет первым, у него не такой боль-

шой, а когда ты привыкнешь, мы все побываем в твоей сладкой попке.

– Может, не надо?– мой нерешительный вопрос, голова идет кругом.

– Надо булочка, надо.

Они смотрят на меня. Трое красивых, молодых, наглых, уверенных, но в их взглядах нет превосходства, только желание.

– Николь!! Николь, ты там? Николь!

– Мама!– испуганно сажусь на кровати, если она сейчас зайдет, то это будет катастрофа.

– А вот мама нам ни к чему, иди, соври что-нибудь, а мы в ванну.

Райли шлепает меня по попке, как только я встаю и пытаюсь прикрыться. Тони подмигивает, лишь Чарли смотрит, прожигая своим черным взглядом.

12

Отделаться от королевы-матери было нелегко. Бритни смотрела на меня с подозрением, заглядывала через плечо в комнату, а я сжимала ноги, перебирая ногами, прикрывшись покрывалом с кровати.

По бедрам стекала сперма, во рту был тоже ее привкус, ягодицы горели огнем, тело все еще помнило сотрясающие его оргазмы. А сознание жило в предвкушении новых обе-

щанных удовольствий.

Неужели я настолько испорченная?

Соврала, что скрутило живот, что чем-то отравилась. Хотя меня на самом деле подташнивало, но это нервы. Закрываю дверь, привалилась к ней спиной, сжимая на груди ткань, прикрывающую обнаженное тело, до боли кусая губы.

– Белоснежка, ты в порядке?

Райли стоял в нескольких шагах, с его волос стекала вода на плечи и грудь, он голый, снова возбужденный. Подкачанный, с татуировками на груди и руках.

– Прикройся чем-нибудь.

– А что ты там не видела?

Демонстративно поглаживает свой член. У нас в семье все такие наглые или он особенный?

Действительно, что я там еще могла не разглядеть?

– Булочка, иди в кроватку, я уже соскучился, – Тони вышел из ванной, вытираясь моим розовым полотенцем, упал на кровать, похлопал ладонью, приглашая меня к себе.

Нет, у них в семье все наглые, это точно.

– Я не могу, мне срочно надо в душ.

– Беги, только быстро.

И когда они начали мной командовать? Поверить не могу, у меня в комнате трое голых парней, которые совсем недавно занимались со мной сексом и меня это практически не смущает.

В ванной меня ждал третий сюрприз. Чарли стоял спиной,

но как только я хотела сказать, чтобы он выметался, открыв рот, не смогла произнести ни слова.

Вся его спина была покрыта одной большой татуировкой: черными чернилами на коже был выбит странник в капюшоне, склонивший голову и держащий в руках меч. Вокруг него парили коршуны, а под ногами кишели змеи.

Даже холодок прошёл по спине от страха. Он совсем непростой парень и костюм жуткого клоуна ему очень подходит.

Чарли медленно повернулся, с волос стекала вода, он практически весь был забит рисунками и надписями. Я никогда такого не видела, и это было красиво. Вот кто бунтарь в семье Томасов. Возмутитель порядка и спокойствия. Вот кому больше все достается, но ему я уверена на всех плевать.

– Убери его.

– Что?

– Убери эту тряпку, хочу тебя видеть.

– Но...

– Да брось ты ее.

Дергает сам, открывая меня, тянет, заставляя встать рядом. Горячая вода теперь стекает по коже, я чувствую, как она горит под его взглядом, словно обжигая до волдырей кипятком.

Я бы могла в него влюбиться сразу по уши, до слез и истерик, до безответных чувств. Таких неопытных девиц, как я, всегда привлекали темные, загадочные и порочные личности

как Чарли Томаса.

Я бы могла отдать все за его внимание и любовь, но он не попросит и не будет любить. К тому же я толстая. Рядом с такими парнями всегда стройные и дерзкие, длинноволосые блондинки в кожаных штанах и майках на голое тело.

– Хочу тебя вымыть.

– За...зачем?

– Просто хочу.

Ему не нужно мое согласие, Чарли делает что хочет, и так, я уверена, всегда. Я внимательно смотрю на то, как в его ладонь тонкой струйкой стекает гель для душа, как он касается моей груди, скользит по телу.

Сглатываю слюну, когда мой взгляд падает вниз, на его возбужденный половой орган, я помню его на вкус, и как штанга пирсинга под головкой касалась языка.

Сознание плывет, его руки везде. Он дразнит, ласкает, массирует, щиплет. Прикрыв глаза и запрокинув голову, цепляюсь за его плечи, раздвинув ноги шире, позволяю натирать клитор.

Мне сейчас абсолютно все равно, как я себя веду, до какой степени аморально и недопустимо поведение восемнадцатилетней девушки. Мне хорошо, как никогда.

Я наверняка больше никогда не встречу такого парня, у меня будут банальные и простые отношения. Но эту новогоднюю ночь в холодной Англии и горячие ласки я запомню навсегда.

– У тебя шикарное тело... охуительное... кончи на моих пальцах... кончи, малышка Николь.

Так приятно когда тебя называют малышкой. Действительно в этот момент чувствую себя такой. Маленькой, беззащитной, полностью в его руках.

Меня не надо просить дважды, внутри лопается натянутая струна, бедра дрожат. Я кончаю по его приказу, а Чарли все продолжает натирать клитор, выкручивая при этом сосок, шепча на ухо, какая я горячая и сексуальная.

– Нет... нет... все, не трогай, не могу больше. Нет... пожалуйста.

Убираю его руку, часто дышу, перед глазами все плывет, но Чарли нежно ласкает меня между ног.

– Пойдем.

– Куда?

– Здесь тесно.

Он выводит меня из душевой, вода стекает на коврик, надо бы чем-то обтереться, но мне не дают, тянут за руку в комнату. На кровати Тони и Райли, оба смотрят так, что кажется, сейчас сожрут меня взглядами.

– Иди к нам, булочка, дай, я вылижу твой сладкий пирожок. Такая мокрая и влажная.

Я прекрасно понимаю, о чем он, но не станет же Тони вылизывать меня сейчас? Движение, я падаю на спину, мои ноги резко широко разводятся, Тони так неожиданно накрывает мои половые губы своим ртом, что я вскрикиваю и теряюсь

в ощущениях.

Он такой горячий и влажный, вылизывает меня, засасывая клитор, а моя киска дает порцию влаги. Нет, это все нереально, но ягодицы все еще горят огнем, а между ног язык дразнит вишенку клитора.

– Черт, девочка, ты чистый мед. Райли, посмотри, какая у нее аккуратная малышка.

– Тони, прекращай комментарии, а то мы спустим раньше времени.

Меня тянут на край кровати, Чарли встает на пол, я, открыв рот, принимаю его член, при этом массируя стояк Райли. Когда язык Тони коснулся тугого сфинктера, я думала, что меня разорвет от удовольствия.

Райли ласкал грудь, мял ее, покусывая соски, а Чарли имел мой рот, проникая глубоко, но нежно.

– Давай перевернемся, Николь, да, вот так, дай мне свою попку.

Я вновь стояла на коленях, отклячив попку, Тони растирал по тугому колечку ануса мои выделения, а потом начал проникать, растягивая толстым членом. Райли и Чарли стояли на коленях рядом, глядя по спине, словно готовя меня к чему-то.

Так продолжалось какое-то время, пока меня вновь не переместили, теперь я сидела на Райли, его член легко скользнул в мою киску, он наклонил меня на свою грудь, сразу стал облизывать чувствительный сосок. Чарли был рядом, провел

рукой по моему позвоночнику, а затем положил ее на затылок, сжав волосы, заставляя смотреть в глаза.

– Дыши, дыши глубоко, смотри на меня. Да вот так, умница девочка, умница.

Головка члена Тони уперлась в заднее отверстие, я напряглась, но она тут же проникла внутрь натянутых мышц и погрузилась глубже. Он входил все глубже, а Чарли, отпустив меня, встав, направил свой член мне в рот.

Я стонала от боли и от натянутости, казалось, еще немного – и они разорвут меня на части. На глазах выступили слезы, я пыталась расслабить нижние мышцы.

– Расслабься, не сжимай меня так сильно. Николь, расслабься, будет не так больно, – Райли говорил тихо, по спине бежал пот, меня трясло.

Прикрыла глаза, стараясь выровнять дыхание, Чарли гладил по лицу, а я нежно лизала головку его члена, сама плохо понимая, что происходит.

Парни начали двигаться, наполненность была невероятной. Я не могла сдвинуться с места, зажатая между двух тел.

– Прими нас всех, да, вот так, малышка, я чувствую, как ты течешь на моем члене.

Тело привыкло, я ловила новые ощущения, прикрыв глаза, позволяла трахать себя во все места одновременно. Все три члена теперь заполняли меня полностью.

Волна пожара поднималась изнутри подобно сокрушительному цунами, готовому накрыть и убить меня в любую

секунду. Тело изогнулось дугой.

– Давай, девочка, кончи для нас, сожми сильнее... черт, до чего она узкая.

Тони с Райли входили и выходили из меня, то по очереди, то одновременно, кажется, что их члены стали еще тверже.

Я падала в темную бездну удовольствия, выпустив член Чарли изо рта. А спустя пару секунд мое тело разлетелось на миллион осколков. Я кричала, слыша громкие взрывы, словно это мое сердце разрывалось на части.

Широко распахнув глаза, видела, как за большим окном по темному небу разлетаются яркие всполохи фейерверка. Также и я распадаюсь на миллионы ярких искр своего восхитительного оргазма.

– Кончаю... м-м-м-м... да... сука... как больно и сладко...

Тони кончил первый, накачивая спермой мой пульсирующий анус. За ним последовал Райли, приподняв меня, он вышел, орошая своим семенем мою влажную открытую плоть.

Я сжимала член Чарли, яростно скользя по стволу рукой. Он кончал на лицо и грудь, запрокинув голову. За окном взрывались снаряды фейерверков, напоминая о том, что наступил Новый год.

Новый год, который принесет много интересного, и, безусловно, он будет лучше того, что был.

Я в этом уверена.

Майское солнышко ласкало кожу. Я жмурилась, как довольная кошка, которая наконец выбралась на улицу, дождавшись тепла после недель дождей затянутого тучами неба.

Туманный Альбион этой весной очень редко радовал хорошей погодой. Если тут и лето такое, то я не знаю, как жить дальше.

На открытой веранде кафе пахло выпечкой, где-то за углом был слышен шум дороги. Я, сняв ветровку, грелась на солнышке, попивая вкуснейший в этом районе кофе.

Да, я американка, и избавиться от привычки пить кофе вместо чая и есть куриные крылышки вместо овсянки я не могу.

– Как же хорошо, – произнесла это вслух, но тут же поморщилась от звонка телефона.

Это мама. Только на нее стоит рингтон сирены.

– Николь, милая, как дела? Как погода? Как Кайл?

– Здравствуй, мама.

– Привет, милая. Так как у тебя дела?

– За те четыре часа, что ты не звонила, ничего не изменилось, все так же прекрасно. У меня закончились занятия, я сижу в кафе, жду Кайла.

– Ой, а у нас целое событие, Генри плакал как ребенок, у нас точно родится мальчик. Я сама не верю, но это так волнительно, сама от себя не ожидала таких эмоций.

– Как здорово, я очень рада.

Да, Бритни беременна, у Генри Эндрю Рассела Томаса в сентябре родится наследник, а у меня брат. Король и королева маскарадного бала заделали ребеночка в новогоднюю ночь. И я на самом деле этому очень рада. Надеюсь лишь на то, что с его рождением гиперопека, что проснулась в Бритни по отношению ко мне, перейдет на малыша.

Все те месяцы с начала января, что я живу отдельно и учусь в театральной студии, подрабатывая официанткой в пабе, она то и дело контролирует меня и просит вернуться в поместье.

Но я решила начать взрослую самостоятельную жизнь, так что ей и Генри придется с этим смириться.

– Представляешь, будет Генри-младший, я так переживала, а вдруг девочка, ведь девочка у меня уже есть. А эта новость как камень с души, врачи только сейчас разглядели его маленький писюн. Кстати, как Кайл?

Почему, когда речь заходит о писюнах, мама вспоминает моего парня? И зачем я только про него рассказала? А все для того, чтоб она наконец прекратила меня донимать тем, что я как затворница живу и ни с кем не встречаюсь.

– С ним все хорошо, он на репетиции, в конце мая у него выпускной спектакль, очень серьезная роль.

– Мы непременно придем на премьеру, передавай ему привет.

– Обязательно.

Кайл на самом деле не совсем мой парень, мы встречаемся, иногда проводим вместе ночи, но не более. Ему двадцать три года, симпатичный, с ним интересно и весело. Я это называю свободными отношениями, а Кайл – бредом и хочет большего, но я не готова.

Даже не знаю, когда буду готова.

– Ну все, я побежала, приехал дизайнер, это так прекрасно – выбирать мебель и интерьер для спальни малыша. И еще нас пригласили на помолвку Райли, сына покойной сестры Генри от первого брака, ну, ты знаешь его. Вся семья снова в шоке, он слыл таком распутным бабником, а тут помолвка. Но он не дурак, выбрал хорошую партию, девушка его ровесница, далеко не из бедной и очень титулованной семьи.

– М-м-м, за него можно порадоваться.

– Так ты пойдешь с нами?

– Нет, у меня много дел, передай мои поздравления.

Бритни отключилась, я отложила телефон, отпила уже остывший кофе, настроение испортилось.

Я не виделась ни с кем из них с той ночи. С той новогодней ночи, полной удовольствия, наслаждений, невероятных открытий и эмоций, что переполняли меня.

Их было трое. Трое братьев, пусть не совсем родных по крови.

Соблазнитель и провокатор – Райли, смазливый и нежный красавчик – Тони, и закрытый, загадочный бунтарь – Чарли.

Стыдно ли мне за эту ночь?

Ни капли.

После того как отгрел, освещая яркими всполохами, са- лют, а я кончила, заполненная сразу тремя членами, были еще ласки. Они брали меня, не давая прийти в себя, ласкали и покрывали поцелуями тело.

Меняли позы, растягивая тугие мышцы крупными члена- ми. Они заставляли меня кончать снова и снова, срывать го- лос в крике, кончали сами, накачивая спермой. И брали сно- ва.

Проснулась я одна.

Во мне болела каждая клеточка, засохшая сперма покры- вала шею, грудь, живот, бедра. Промежность и анус были воспалены от яростных вторжений. Кое-где засосы и синяки. Меня трахали всю ночь без остановки, и, да, мне это понра- вилось.

Все это время я старалась не думать и не вспоминать о них, но то и дело заглядывала в инстаграм и фейсбук, рас- сматривая новые посты и фото. Я прекрасно понимаю, что у нас нет никакого будущего, нет никаких НАС.

Та новогодняя ночь была просто сказкой с тремя принца- ми для Белоснежки, которые соблазнили и совратили ее. О ней я не рассказала даже самой близкой подруге, и хорошо, что я не забеременела, ведь мы практически не предохраня- лись.

Пришло сообщение. Это был Кайл.

«Извини, задерживаюсь. Буду через час. Целую».

Не ответила, хотела нажать иконку социальной сети, но передумала. У Райли помолвка, удивительно, но вдруг это любовь? На фото он постоянно с новой девушкой в новом месте: то клуб, то яхта, то вечеринка.

Чарли гастролирует с рок-группой по стране. Знаю, что у него новая татуировка, но он не показал какая. А вот Тони занимается конным поло, у него хорошо получается.

– Мисс, это просили передать вам.

– Двойной виски? Вы уверены? Сейчас только два часа дня.

– Я не ошибаюсь, это точно вам.

Официант ставит передо мной бокал и добавляет одно красное яблоко.

Странный набор, но как вспышка в голове появляется догадка, сердце делает несколько гулких ударов, а дальше учащает свой ритм. Во рту пересохло, хочется залпом выпить все, что мне принесли. Оглядываюсь, смотрю по сторонам, стараясь найти именно того, о ком думаю.

Ладони вспотели, поворачиваюсь в другую сторону, вздрагиваю, хватаясь за грудь.

– Двойной виски для Белоснежки.

Он улыбается, в черных глазах пляшут огоньки пламени. Волосы собраны в хвост, коротко стриженные виски, с шеи на грудь тянутся узоры татуировок, рубашка с закатанными рукавами.

– Ты напугал меня.

– На мне нет маски клоуна. Чем же я напугал Белоснежку?
Рассматриваю Чарли и понимаю, что я пропала. Пропала еще тогда, в новогоднюю ночь, когда он первый поцеловал меня и повел, взяв за руку навстречу моему грехопадению.

– Зачем ты здесь?

– Соскучился.

– Чтоб ты соскучился, должно было пройти пять месяцев?

– Могло и больше.

Лучше бы он не приходил никогда.

Чарли берет яблоко, подносит его к губам, откусывает, впиваясь в сочную плоть зубами, протягивает мне.

– Не хочу.

– А если оно отравленное, спасешь меня?

– Мне пора, извини. Не хочу и не могу играть в эти игры.

Встаю, беру ветровку и сумочку, но делаю лишь один шаг, как меня тянут за руку. Упираюсь в широкую грудь и каменные мышцы Чарли.

– Никуда ты не пойдешь.

– Послушай, я не хочу, и не буду играть в твои игры. Все в прошлом, та наша связь. Так, покувыркались и забыли. У меня есть парень.

– Нет у тебя парня, а я не играю. Мне пять месяцев понадобилось на то, чтоб понять, как я по тебе скучаю.

– Что?

– Что слышишь, малышка.

Мне жарко рядом с ним, пальцы Чарли обжигают кожу,

он проводит костяшками по щеке и пронзительно смотрит в глаза.

– Я предложил Белоснежке двойной виски, думал, все игра и просто секс, но...

– Но?

– Но думаю об этом постоянно. О тебе, такой соблазнительной девочке, и чертовски ревную.

– Не может быть.

– Сам в шоке. Даже набил еще одно тату.

Чарли отодвигает в сторону ткань рубашки, под левой ключицей красное яблоко, оно так сильно контрастирует с другими черными рисунками. Рука сама тянется его потрогать, но одергиваю себя.

– Что же дальше?

– Мне придется убить своих братьев.

– Ты сумасшедший.

– А ты невероятно сексуальная.

Его слова лишают воли, глаза раздевают, а руки сжимают талию. По телу идет вибрация. Хочу его. Безумно хочу.

– Ты предлагаешь мне секс?

– Не только.

– Что еще?

– Быть моей.

Так просто.

Быть моей.

Всего два слова, а я верю.

Неважно, что будет через неделю или месяц. Неважно, как долго я буду с ним. Пусть потом будет больно, или я разочаруюсь в этом парне с татуировками и непростым характером.

Но это будет потом.

Чарли целует, земля уходит из-под ног, его язык ласкает мой, а я теряю связь с миром.

Сейчас я хочу быть с ним.

Я не типичная Белоснежка, и принц у меня необычный.